Сковорода.

Беседа двое.

E 96/83

С 96
13

БЕСѢДА ДВОИХЪ.

1837.

БЕСѢДА ДВОЕ.

Г. В. СКОВОРОДЫ.

ИЗДАННАЯ

ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ ИМПЕРАТОРСКАГО

Человѣколюбиваго Общества, Московскаго

Попечительнаго Комитета.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЫШЕТНИКОВА.

1837.

БИБЛІОТЕКА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ сей книги. Москва, 15 Сентября 1836 года.

Цензоръ Виѳанской Семинаріи
Ректоръ Архим. Агапитъ.

2007113183

БЕСѢДА

НАРѢЧЕННАЯ

ДВОЕ.

О ТОМЪ ЧТО,

БЛАЖЕННЫМЪ БЫТЬ ЛЕГКО.

ПЕРСОНЫ.

МИХАИЛЪ, ДАНИЛЪ, ИЗРАИЛЬ, ѲАРРА, НЕЕМАНЪ.

ѲАРРА.

О Неемань! Неемань! Утѣшь мене, другъ мой! . . .

НЕЕМАНЪ.

Кто тебѣ перепугалъ, Братце Ѳарра?
Дерзай! Миръ тебѣ! Не бойся!
Конечно ты сидѣлъ въ сонмищѣ *оныхъ*:
Гробъ отверсшь, горшань ихъ. . .

ѲАРРА.

Тѣ-то Сирены наполнили мой слухъ и сердце жалостнымъ и смущеннымъ пѣніемъ.

МИХАИЛЪ.

Для чего жъ ты себѣ ушей не закупорилъ воскомъ такъ, какъ древній Уликсъ?

ФАРРА.

Тайна сія неизвѣстна. А знаю, что они напѣли много чудесъ! обезкуражившихъ сердце мое. Не чудо ли сіе? Есть де въ Европѣ нѣкій Пророкъ, святый Іеремій. Онъ нашелъ отъ травъ сокъ: обновляющій ему и друзьямъ его младость, яко Орлюю юность. Выслушайте второе Чудо! Нѣкій Докторъ медицины, питался хлѣбомъ почію, и водою: и жилъ, безъ всякихъ болѣзней, лѣтъ 300. На вопъ и третіе: нѣкій Калмыкъ, имѣетъ столь Быстрыя Очи, что ясиѣе и далѣе видитъ, нежели кая либо зрительна трубка. Вопъ чѣмъ мене плѣнили, сладкогласны Спрены! А мои Очи, день отъ дня слабѣютъ. Не чаю прожить ни 20 лѣтъ. Кто же мнѣ, и кая страна обновитъ Юность? Вѣкъ мой скончаваетсл. . .

МИХАИЛЪ.

О Ѳарра! Не тужи, другъ мой. Мы замажемъ уши твои воскомъ, медомъ и сопомъ: Вѣчностью. Съ нами Богъ: разумѣйте, о невѣжи! И совѣтъ вашъ, и слово разорится: яко съ нами Богъ! Услышите! Господа силъ, Того освятите.» Той Будетъ тебѣ во Освященіе: аще будеши уповая на него? А иначе

вся ваша крѣпость— о языцы осязающіе, языцы невѣрующіе! — будетъ вамъ камень претыканія, и камень паденія, и надежъ сокрушенія! «И сокрушатся и приближатся, и ямы будутъ человѣцы, въ твердынѣ своей Суще!» О другъ мой, Израилю! Блаженны есмы: яко Богу угодная, намъ разумна сутъ.

ИЗРАЕЛЬ.

Взглянь на мене Ѳарра. Почто ты плѣнился лестнымъ, твоихъ Сиреновъ пѣніемъ? Вотъ влекутъ тебѣ, на камень претыканія и паденія. Почто забывъ Господа, Святишъ тое, что нѣсть Святое?

„Той будетъ тебѣ во Освященіе.
Аще будеши уповая на Него.

Друзіе Іереміины, состарѣютъ паки: безболѣзніе докторово прервется: а Очи Калмыковы поневмнѣютъ «терпящіи же Господа» обновлятъ крѣпость: Окрылатѣютъ, аки Орлы: потекутъ, и не утрудятся: пойдутъ, и не взалчутъ.»

ДАНІИЛЪ.

Слушай Ѳарра! Разумѣешъ ли: что значитъ освятитъ?

ѲАРРА.

Ей ей не разумѣю! Научи мене.

ДАНІИЛЪ.

Освятитъ, значитъ основать, и утвердить. Святое же, значитъ незыблемое, неподвижное.

Когда Ісаіа вопіетъ:

«Господа силъ, Того освятите» тогда значитъ что онъ Единъ есть Святъ: сирѣчь, камень твердъ: чтобъ безопасно основать намъ нашего щастія храмину; а не дерзали бы мы святить ни одной твари: яко соръ и пѣсокъ.

«Всяка плоть, сѣно. Глаголъ же Божій, сирѣчь Основаніе, Сила и Духъ: пребываетъ во вѣки.» Адамантъ самъ собою твердъ есть: а мы только почитая его таковымъ: дѣлаемъ твердымъ. И сіе то есть:» Будетъ тебѣ во-освященіе: аще будеши уповая на Него. «Сирѣчь: Освятитъ тебѣ, и утвердитъ щастія твой домикъ вѣчно, и не подвижно: Если минувъ дрянь: весь пѣсокъ и сѣно почтешъ Единаго Его Святымъ и твердымъ.

ФАРРА.

Ай! другъ мой, Даніилъ? Не худо ты судилъ!

ДАНИЛЪ.

Плюнь же, Голубчикъ мой, на Еремѣеву юность: на докторово триста-лѣтіе: и на Калмыцкіе глаза. Истинная дружба: правдивое щастіе и. прямая юность, никогда не обветшаетъ. Ахъ! все то не наше, что насъ оставляетъ. Пускай будетъ при насъ: поколь оставитъ насъ. Но да знаемъ: что все сіе, невѣрный намъ другъ. Одинъ умираетъ въ 30: а другой въ 300 лѣтъ. Если умирать, есть нещастіе: такъ оба бѣдны. Не велика въ томъ отрада тюремнику: что иныхъ въ три часа: а его въ 30-й день выпущаютъ на эшафотъ. Кое же то мнѣ и здравіе: коему концемъ слабость? Кая то мнѣ младость: раждающая мнѣ старость? Ахъ! не называй сладостью: если раждаетъ горесть. Не дѣлай долготою ничего: что прекращается. Не именуй щастіемъ ничего: что опровергается. Отъ плодовъ, и отъ конца его, суди всякое дѣло. Не люблю жизни, печатлѣемыя смертью: и сама она есть смерть. Конецъ дѣламъ будь Судія!

Не то Орелъ: что лѣтаетъ;
Но то: что легко сѣдаетъ.
Не то Оно: что яснѣетъ;
Но то: что не отемнѣетъ.

Прямое Око! какъ написано о другѣ Божіемъ:

„Не отемнѣетъ очи Его :
Ни истлѣетъ успнѣ Его.“

ФАГРА.

О Нееманъ! Нееманъ! упѣшь мене, другъ мой.

НЕЕМАНЪ.

О любезная душа! Околдунилъ тебѣ гласъ сладкій Сиренскій: Гласъ влекущій лодку твою на камни. Ей! о сихъ-то камняхъ гласъ сей Исаіи :

„Приближатся, и сокрушатся и падутъ.“

Наполнятся домове шума: и почіютъ ту Сирины. Но небойся! Господь избавитъ тебѣ. Положитъ тебѣ во основаніе, камень многоцѣненъ, краеуголенъ.

«Тогда спасешеся: и уразумѣеши, гдѣ есп былъ.»

ФАГРА.

Недивись сему, что я околдуненъ; а скажи мнѣ гдѣ не слышится гласъ, пустынныхъ сихъ птицъ ?

„Сиренъ лестныхъ Окіана!
Гласомъ его обаянна ,
Бѣдная душа на пути
Всегда желаетъ уснути :
Не доплывши брега.

Се исполнилось на мнѣ, что я мальчикомъ пѣвалъ.

НЕЕМАНЪ.

А я тебѣ взаимно, отъ той же пѣсни, восною:

„Распространи бодръ вѣприла:
И ума твоего крила;
Пловущи на бурномъ морѣ,
Возведи очеса горѣ:
Да потечешъ путь правъ.

ФАРРА.

Протолкуй мнѣ, Неемане: что значитъ Сиринъ? Я слышалъ, что Сиринъ значитъ пустынную птицу.

НЕЕМАНЪ.

Когда не разумѣешъ, что есть Сиринъ? ниже уразумѣешъ, что ли есть пустынная птица? Иное разумѣть имя: и иное дѣло: разумѣть то, что именемъ означается. Разумѣешъ имя сіе, или скажу: званъ Сей: Христосъ; но дай Богъ, чтобъ ты зналъ, что Сіе Имя значитъ?

ФАРРА.

Такъ протолкуй же мнѣ, не имя; но дѣло.

НЕЕМАНЪ.

Сиринъ есть сладкорѣчивый дуракъ: влекущій тебѣ къ тому: чтобъ ты основалъ ща-

сніе твое на камни томъ, который не утверждаетъ, но разбиваетъ.

ФАРРА.

Ражкуй, какъ можно простѣе и вкуснѣе.

ПЕЕМАНЪ.

Сколько у васъ славныхъ и почтенныхъ Любомудрцевъ? Всѣ сіи суть Сирины. Они-то соблазняютъ въ жизни сей пловущихъ старцовъ и молодцовъ. Взглянь сердечнымъ окомъ, на житейское Море. Взглянь на претыканіе, и паденіе пловущихъ и на воплъ ихъ. Одинъ возгнѣздиться хотѣлъ на каштанѣ: какъ Ноева голубица на Холмѣ: и подъ старость сокрушился. Другой, на плотоугодіи, думалъ создать домъ свой, и въ кончину лѣтъ постыдился. Иной, основался на камнѣ Милости Исполнискія; и былъ ему претыканіемъ. Ты думаешь; но и ревнуешь сѣсть на камень плотскія юности, плотскаго безболѣзнія, и плотскихъ очей пиршихъ; и се ожидаетъ тебѣ претыканіе, паденіе и сокрушеніе!

ФАРРА.

Брось людскія бѣшенства: а скажи, только, что значитъ пребываніе Сириновъ на морѣ? Зачѣмъ на водѣ?

НЕВМАНЪ.

Затѣмъ, что въ суетѣ. Не хотятъ они въ гавань, и въ лоно Авраамле: на матерую и твердую землю, со Израилемъ: но съ Фараономъ.

Вотъ вамъ благолѣпная фигура, и Преподобный Образъ Надежды и обманчивости! Гаванью, или Лономъ, образуется Упованіе: а моремъ и водою, лживость всякія плоти. Во Евангеліи, камень, и песокъ, есть тоже. На ономъ мудрый: а на семъ домикъ себѣ строитъ мужъ безпутный. Ковчегъ, и потопъ: не тоже ли? Вода и Елисеево желѣзо: не тоже ли? Сороколѣтняя пустыня, и Обѣтованная Земля: не тоже ли? Что только преходитъ Израиль: все то море, вода, зыбкость: основаніе, и упованіе Юродивыхъ Мужей: какъ написано:

„Рѣка текущая, основаніе ихъ.“ Почіютъ ту Сирины.
„Возволнуются, и почити не возмогутъ. — — Нѣсть радоватися нечестнымъ“.

ѲАРРА.

Ты уже и много насказалъ: и завелъ въ любопытность. Такъ, скажи же мнѣ: для чего иные толкуютъ: что Исаины Сирины, суть

то пустынные птицы, а возгнѣздиваются въ пустомъ Вавилонѣ градѣ.

НЕЕМАНЪ.

О младенецъ съ бабіими твоими баснями! Ражжуй только зубомъ мужескимъ: сей часъ по Самсонову, найдешь въ жесткомъ нѣжное; а въ пустомъ пищу. Пустынныя птицы: развѣ то не лже-пророки пустое поющіе? Пустый Вавилонъ: развѣ то не Сиренскій камень? Не все ли пустое: что суета? и не все ли то вода; что истинное? Послушай, вотъ птица!

«Ефремъ, яко голубь безумный, неимый сердца, учениковъ сихъ птицъ, называетъ Михеа, дщерьми Сиринскими: и точно о Самаріи, кая такихъ птицъ довольно у себѣ имѣла, вопіетъ: »Сотворитъ плачъ, аки Зміевъ: и рыданіе аки дщерей Сиринскихъ.» Къ симъ то безумнымъ птицамъ, слѣдующій Божій отзывъ:

„Приступите ко мнѣ, послушайте мене
Погубльшіи сердце: сущіи далече отъ правды.“

О сихъ же, птицахъ нечистыхъ, Осіа поетъ вотъ что:

„Яко же птицы небесныя, свергу я. . .
Горе имъ, яко отскочиша отъ мене.

Ученковъже ихъ, называетъ чадами водъ.

„Яко Левъ возреветъ Господь: и ужаснутся чада водъ.“

Чада водъ и дщери Сиринскія: есть то же. у Исаіи называются: отъятыми парящихъ птицъ птенцами. Сіи жъ Сирины, называются зміями и гадами.

„Сотворитъ плачъ, аки зміевъ. . .
„Полижутъ персть, аки зміеве.
„Послю, аки гады на землю. Зачемъ туда?

Затѣмъ, чтобъ вся дни живота своего, кушали грязь! Сіи то суть Ангелы люпые; псы, злые дѣлатели, облака бездождныя, водныя, земныя, духа немуще. . .

ѲАРРА.

Полно! полно! поговори еще мнѣ о добрыхъ птицахъ. Я уже и разумѣю: что конечно не худо поетъ оная птица.

„Гласъ горлицы слышанъ въ землѣ нашей.“

НЕЕМАНЪ.

Нѣсколько тебѣ благовѣствующихъ птицъ выпущу изъ Ковчега. Взглянь кіи суть: иже яко облацы летятъ? и яко голубы со птенцы ко мнѣ? Какъ темна и тонка вода во облацѣхъ воздушныхъ: такъ вода глубока, совѣтъ въ сердцѣ мужей сихъ, и ихъ птенцовъ. И какъ голубины очи вышше волнованія Сирен-

скихъ водъ: такъ сердце ихъ, выше всея тлѣни подъялось. Взглянь еще на горній хоръ птицъ прозорливыхъ!

„Подъяхъ васъ, яко на крилѣхъ Орлихъ: и приведохъ васъ къ себѣ.
Идѣ же трупъ, тамо соберутся Орлы.“

Не Орелъ ли то: «Ангелъ Господень восхити Филиппа?» Не Орелъ ли то: «Не обрѣтеся Енохъ въ живыхъ?» Не Орелъ ли то.» Взятъ бысть Илія вихремъ? «Вотъ Орелъ паритъ: «Вѣмъ человѣка, про недшаго небеса. Вотъ Орелъ: «Ятъ Аввакума Ангелъ Господень за верхъ его. Вотъ Орелъ:» Вознесу тя Господи, яко подъялъ ми его. Взглянь же на сего любезнаго Орла! «Видѣхомъ Славу Его Куда-то они летятъ? Ахъ превзойшли они трупъ и тлѣнь: устремили взоръ на того: «Вземлется отъ земли животъ его,» Взятое великолѣпіе Его превыше небесъ. Ахъ! взглянь сюда. . . Не се ли оная благовѣстница съ масличною вѣтьвою, изъ Ноева Ковчега, миръ намъ приносящая летитъ? И летя вотъ что кажется поетъ: дерзайте! да не смущается сердце ваше потопомъ водъ Сиринскихъ! Я вижу холмъ незыблемый: верхи горъ изъ подъ потопныхъ волнъ выникающихъ: провижу весь-

мя издалеча землю и гавань: вѣруйте въ Бога: тамъ почіемъ.

„Кто дастъ мнѣ крилѣ. . .
Очи ваши узрятъ землю издалеча.“

А мнѣ любезна и горлица сіи, летитъ выспрь поющи: Воспою нынѣ возлюбленному пѣснь? О Ѳарра! Ѳарра! чувствуешъ ли вкусъ во Пророчіихъ Музахъ? А иначе бѣжи и приложися къ Галатамъ.

ѲАРРА.

Вѣришъ ли, что для мене пріятнѣе пѣніе Сиренское.

НЕЕМАШЪ.

Ей, друже вѣрю, что больше Елея имѣетъ во умащеніи своемъ льстецъ: нежели въ наказаніи своемъ отецъ: и что ложная позолотка, есть блистательнѣе паче самаго злата: и что Иродова плясавица, гораздо краснѣе, нежели Захарішна Елисаветъ. Но помни притчу:

„Не славна изба углами: Славна пирогами.
„Не красна челобишна слогомъ: но Закономъ.“

Въ самомъ сладчайшемъ ядѣ, внутренній вредъ уничтожаетъ сладость, предревняя есть притча сіи:

«Απλός, ὁ μῦθος τῆς ἀληθείας.
У истины, простая рѣчъ.

Инако поютъ въ костелѣ : а инако на маскарадѣ. Слышалъ, кто ищетъ красныхъ словъ въ томъ: кого спрашиваютъ о дорогѣ: и кто лакируетъ чистое золото. На что Пророчіимъ пѣснямъ блядословіе? Пусть покрывается тымъ Сирпиская лжа. А то, что они поютъ въ фигурахъ : фигуры суть мѣшечки на золото: и шелуха для зерна Божія. Сіе то есть иносказаніе, и истинная оная Πόιησις, сирѣчъ: твореніе, положитъ въ плотскую нуспошь злато Божіе, и сдѣлать духомъ изъ плоти; авось либо кто догадливъ найдетъ въ коробочкѣ прекрасное Отрока Еврейское, взятаго выше водъ Сирскихъ человѣка. «Творяй Ангелы своя духи: (духами).» Вотъ истинные пѣвцы : сирѣчь творцы и Пророки : и сихъ то писаній, любилъ читать возлюбленный Давидъ:

„Въ твореніихъ руку твоею поучихся.“

ӨАРРА.

Однако, мнѣ пріятны и ковчеговы птички. Мудренько поютъ. Выпусти еще хоть одну.

МИХАИЛЪ.

Я тебѣ выпущу: обратись сюда Ѳарра! Возведи Очесса. «Яко ласточица» тако возопія:

„И яко Голубь тако поучуся.“

ѲАРРА.

Кой издоръ? Громкія ластовыцы, въ кохъ странахъ родятся? А у насъ оны ниже, что сверчки. Голубь глупѣе курицы, какъ можетъ любомудрствовать? Видишъ ли, коль стропотныя музы Пророческія? Вотъ какихъ птицъ насобралъ въ свой ковчегъ Ной! А мои Сирены нѣжно, сладко, ясно, громко, и самыми преславными модными словушками воспѣваютъ. Самыя морскія волны, кажется, что отъ ихъ пѣнія подымаются и пляшутъ: будто отъ Орфеевой Псалтыри: и пѣтъ поль глупаго скота и звѣря: даже и самаго нечувственнаго пня и холма, чтобъ ихъ не разумѣлъ: чтобъ нескакалъ, и съ воскликновеніемъ невосплескалъ въ длани: и недивно, что вселенную влекутъ за собою!

МИХАИЛЪ.

Не бойся Ѳарра. Израиль видитъ Двое. А сіе то есть жезлъ, и власть Ему: здѣлать изъ яда ядь, изъ смерти жизнь, изъ обуялости вкусъ, а изъ стропотнаго гладкое. И ничесо же Его вредитъ! Онъ сѣетъ камень; преходитъ море; вземлетъ змія, и пьетъ мерру въ сладость. Его желудокъ, все варитъ въ пользу: а зубы все стираютъ: и вся поспѣ-

шествуешь во благос. Слушай Израиль! Раскуси ему Езекіину мысль. Исшій стропотну сію рѣчь такъ: как написано о тебѣ:

„Отъ потока на пути піешь. . .“

О Израилю! преходь потокъ: исходь на второе: сіе есть твое.

ИЗРАИЛЬ.

Господь даде мнѣ языкъ. . . Ласиовица и голубь значишь Израиля. Взглянь Ѳарра на стѣну, и скажи: что ли видишь? Взглянь сюда.

ѲАРРА.

Вижу картинку, гдѣ написана птичка, поднявшаясь изъ морскаго брега, и летящая на другой невидный брегъ.

ИЗРАИЛЬ.

Сія есть Израильская картина, наречена Символъ. Ластовица убѣгая зимы, летитъ чрезъ море отъ сѣвернаго брега на южный: и летя вопіетъ: «Нѣсть мнѣ мира здѣ.» Въ сей то Символъ ударяетъ Езекіина сердца лукъ сей:» Яко ластовица тако возопію. «Израиль вездѣ видитъ Двое. Ластовицу осязаетъ; а чрезъ нея, будто чрезъ примѣту, ведущую къ мѣсти, провидитъ духомъ, чистое,

свѣтлое и божественное сердце: возлѣтающее выше непостоянныхъ водъ, къ матерой и теплой тверди. Сіе то есть: стоять на стражѣ со Аввакумомъ, возводить очи и быть обсерваторомъ на Сіонѣ. Необрѣзанный же сердцемъ видишь одне приметы безъ мѣты. Взглянь Өарра и на сей Символъ! Видишь окрылатѣвшую дѣву, простершую руки и крила и, хотящую летѣть чрезъ пучину морскую, къ выникающимъ издалеча холмамъ. А любезный ей, надъ холмами изъ облака взаимно къ ней летитъ уже: простирая къ объятію руки своя. Здѣсь видишь и плавающій Ковчегъ. Сія есть чистая Жена, о коей написано:

„Даны быша Женѣ два крила Орла великаго.“

Блаженныя сея жены, потопомъ изрыганій своихъ, не могъ потопить Змій седмиглавный. Оно то вопіетъ: «Кто дастъ мнѣ крилѣ. . .» Вотъ тебѣ ластовица! Яко ластовица, тако возопію. . . Не въ силѣ велицѣй, ни въ крѣпости гласъ Ея; но въ духѣ моемъ глаголетъ Господь Вседержитель:

„Радуйся зѣло дщи Сіона: проповѣдуй дщи Іерусалимля.» Не ластовица ли Павелъ: проповѣдующій не въ мудрости слова, и мірскаго

витыйства, и Спренскаго ольстиисловія: но въ наученіи, и силѣ Духа Святаго? А когда ластовица кричитъ: что для нея Сѣверный брегъ опасенъ, и что узнала она, надежный южный брегъ: такъ не Двое ли она видитъ? и не тоже ли намъ благовѣститъ:» Вѣмъ Человѣка: о семъ похвалюся? »Не тоже ли что Давидъ: «И полещу и почію? «Не тоже ли что Ангелъ:» Се благовѣствую вамъ радость велію. . . .? Нѣсть здѣ: «Тамо Его узрите.» Нѣсть мнѣ мира здѣ. Самъ Езекіа, сказавъ: Яко ластовица и пропчія: всплошъ придаетъ сіе: «Исчезости очи мои.» Сирѣчь: престалъ я то видѣть: что прежде видѣлъ. Я видѣлъ одну воду: одну плоть и кровь, и одну пустошъ, и суету: и сіе есть одно, и есть ничто же: почему я и слѣпъ былъ: видѣвшій то, что ничто же, и одна точію тѣнь есть. Нынѣ же глупое око мое исчезло и преобразилося во Око Вѣры, видящія въ тѣлишкѣ моемъ обонъ-полъ непостоянныя плоти и крови, Твердь и высоту Господа моего; Духа Божія; содержащаго своею горстію прахъ мой: и сіе есть второе и надежное: вторый Человѣкъ Господь мой:

„Иже избави мя, и отъя болѣзнь души моея.“

«Отселѣ всѣ воскресшіи возблагословятъ тя» и — я ожившій,

„Яко ласточица, тако возопію,
И яко Павелъ, тако поучуся.“

«Отъ днесь бо дѣти сотворю: яже возвѣстятъ правду твою.» Отнынѣ ни единаго вѣмы по плоти. А ще же и разумѣхомъ по плоти Христа; но нынѣ къ тому не разумѣемъ.»

Посмотри же Ѳарра и на другой Символъ, въ центръ коего ударяетъ: сіяжъ Езекіина рѣчь. Взглянь сюда!

ѲАРРА.

Вижу. На самомъ верхѣ камня, въ срединѣ моря стоящаго, стоитъ кал-то птичка. Камень схожъ на Спрепскій.

ИЗРАЕЛЬ.

Какъ ему быть Спренскимъ, когда гласъ Символовъ есть таковъ:

«In constantia quiesco.
Спрѣчь:
На незыблемости почиваю?

Кая вѣрность на Спренскомъ, волнами покрываемомъ камень? Сей есть каменный

Холмъ Вѣчнаго, выпикшій изъ-подъ вселенскаго потопа: на коемъ упокоился Ноевъ Голубь. Съ такимъ благовѣстіемъ.

Inveni portú jesum. Caro, Munde valete.
Sat me iactastis. Nunc mihi certa quies.

Сирѣчь:

Прощай Стихійной потопъ!
Я почію на Холмахъ Вѣчнаго:
Обрѣтши вѣтву Блаженства.

Вотъ тебѣ Ноевъ Голубь! послушай гласа Его:

„Лѣта вѣчная помянухъ, и поучихся
„Постави на камени нози мои.
„На камень вознесъ ми еси!
„Господь утвержденіе мое и Камень мой.“

Вотъ еще голубь! Со усердіемъ гоню: къ намѣренному теку. — Аще како достигну во воскресеніе мертвыхъ.» Разумѣхомъ по плоти Христа; но нынѣ къ тому не разумѣемъ. «Пожалуй посмотри мнѣ и на сына Іонина: сирѣчь Голубинина. «Блаженъ еси Симоне, Сыне Іонинъ. Яко плоть и кровь не яви тебѣ (мене): но Отецъ мой, иже на небесѣхъ. . . Ты еси Камень (Кифа) и на семъ Каменѣ утвержу всю Церковь мою. . . Слыхалъ ли ты о Даніиловомъ Каменѣ? Се онъ есть. Слышалъ ли

ты замокъ Апокалипсичный? Се онъ есть. Слышалъ ли Рай? Вотъ онъ тебѣ! Слыхалъ ли о землѣ дивной, что опъ воды, и посредѣ воды? Вотъ же тебѣ обѣтованная Земля! Вспомни Евангельскій Маргаритъ. Вспомни обрѣтенную драхму. Вспомни свобожденіе, исцѣленіе, воскресеніе и прочч. и пр. и пр. Все сіе и всѣ пророческія музы, какъ праволучныя стрѣлы Молніины, въ сей Святый и Единъ Камень ударяя путеводствуютъ. Видишъ, Фарра: въ кую гавань доплыла рѣчь Езекіина? Не дерзай же хулить птицъ Ноевыхъ. Онѣ поютъ тихо; но гласъ тонокъ ихъ, остръ и высокъ. А сирены, какъ лебеди, возносятъ громко крикъ; но по половцѣ:

„Высоко полетѣла: да недалеко сѣла.

ФАРРА.

Право я влюбился въ ваши птички. Ковчегъ вашъ подобенъ Троянскому коню. Выпустите мнѣ еще хоть одну. Люблю, что поютъ Двое. Одно во уши: другое въ разумъ: какъ написано: «Двое сія слышахъ. Теперь вижу, что не пустая древняя оная притча: «Глупъ, кто двос пащитать не умѣетъ. «Видѣть кошелекъ; не знать, что въ кошелькѣ: сіе есть видящи невидѣть. Видно, нужно вез-

дѣ видѣть Двое: видѣть болванъ: не знашь, что въ болванѣ: есть не знать себе. Спрени поютъ воду: а ваши птицы воду и гавань. Вода есть кошелекъ: а гавань, есть Имперіалъ. Тѣло есть вода и кожа, въ которую одѣтъ истинный нашъ Адамъ!

ДАНІИЛЪ.

О Ѳарра! началъ ты издавать Благоуханіе.

„Сотъ ископаютъ устинѣ твои, Невѣсто!“

Вотъ сей-то Сотъ, закупоритъ тебѣ уши противу Спрень.

ѲАРРА.

Выпусти, Даніилъ, еще хотъ одну мнѣ райскую птицу.

ДАНІИЛЪ.

Изволь! Еще ты такой не видалъ. Лови ее!

„Еродій на Небеси позна время Свое.“

ѲАРРА.

Дичину ты выпустилъ. Я и имя ее въ первое слышу. Скажи мнѣ: кой сей родъ есть птицы Еродій?

ДАНІИЛЪ.

У древнихъ Славянъ, она Еродій: У Елиновъ Пеларгосъ: у Римлянъ Кикоціа: у По-

ляковъ, Боцянъ: у Малороссіянъ, Гайстеръ: схожа на журавля. (а) Еродій, значитъ Боголюбный: есть слово Еллинское. Но что въ томъ нужды? Брось тѣнь: спѣши ко истинѣ. Оставь физическія сказки Беззубымъ младенцамъ. Все то бабіе, и баснь и пустошъ: что не ведетъ къ гавани. Сѣки скорѣе всю плоть поизраильски. Сержусь, что медлишъ на скорлупѣ. Сокрушай и выдырай зерно силы Божія. Еродій знаменуетъ вѣру во Христа: а яснѣе сказать: Израилское Око: видящее Двое: вотъ тебѣ Гайстеръ! будь здоровъ съ нимъ! Съ небесе Крастель. . . .

ѲАРРА.

Конечножъ есть причина для чего, взятъ онъ во образъ сей.

ДАНІИЛЪ.

Конечно троякая вина сему есть: 1-я, что гнѣздится на киркахъ; 2-я: что снѣдаетъ змій; 3-я: что въ старости родителей кормитъ, хранитъ и носитъ. Кирка значитъ дворъ Божій.

(а) Ερος, значитъ желаніе: Римски Купидонъ: Ζευς, Jupiter: или Дій. Отсюду слово, Еродій, то же, что Ѳилоѳей.

„Коль возлюбя селенія твоя. . .
„Птица обрѣтше себѣ храмину. . .“

«Тамо птицы возгнѣзд. Ерoдіево жилище предводительствуетъ.» Ерoдій всегда на вышнихъ мѣстахъ, на шпицахъ и на куполахъ гнѣздится: Будто предводитель прочімъ птицамъ.

„Блаженни живущіи въ дому твоемъ:“

Вотъ тебѣ Ерoдій! «Едино просяхъ отъ Господа, и проч. Вотъ Ерoдій! «Обрѣте его Іисусъ въ Церкви. А сіи тебѣ, развѣ не предводительствующіе суть Ерoдіи? «Взыдоша на горицу: идѣже бяху. —

„Пребывающе, Петръ же и Іаковъ, и Іоаннъ, и прочіе единодушно вкупѣ. И бысть внезапу съ небесе шумъ. . . И исполнишася вся Духа Свята, и начаша глаголати иными языки.“

Вотъ что въ сей птицѣ великое! «Позна время свое. Видно, что она познала Двое: время, и время. О кто сей прекрасный Ерoдій есть! Послушай Его: «Се зима прейде: дождь! (потопъ) отъиде себѣ: цвѣты явишася на землѣ и проч. Видишъ ли? Что значитъ? и куда летятъ Ноевы птицы? Ко Авраамлю заливу: и къ гавани оной: «Господь пасетъ мя. . .»

На вотъ тебѣ стадо и безполковыхъ Гайстровъ!

„Лице небесе умѣете разсуждати
„Горе вамъ смѣющимся нынѣ!“

ФАРРА.

А почему ты ихъ назвалъ безполковыми! Вить ихъ за прогностики Христосъ не осуждаетъ?

ДАНИЛЪ.

Они чрезъ солнце, разумѣютъ разумно непогоды; но не прозорливы узрѣть второе время: спрѣчь, Царствіе Божіе. Надобно знать съ Даніиломъ время Одно, и время Второе. Изъ сихъ полу-временъ, все составлено:

„И бысть вечеръ, и бысть утро: день единъ.“

Одно время есть плакать: а второе время смѣяться. Кто одно знаетъ; а не Двое: тотъ одно — бѣду знаетъ. Вотъ еще бѣдные Гайстеры:

„Взалчутъ на вечеръ. . .
„Возволнуются, и почити не возмогутъ.“

О безумно возгнѣздившихся сихъ Гайстерахъ можно сказать:

„Ихъ твердь одна вода:
„Въ срединѣ ихъ, бѣда.“

Смѣяться нынѣ и веселиться здѣ, значитъ: невидать ничево, кромѣ плоти и стихійныя стѣны.

„Горе вамъ смѣющимся нынѣ!“

И когда Петръ сказалъ: «Добро намъ здѣ быти» тогда вдругъ обличенъ: «Не вѣдый, еже глаголаше. Онъ раздѣлилъ Моисея отъ Иліи, Илію отъ Христа; не познавъ еще истиннаго Человѣка, кромѣ человѣчія плоти, или стѣны. А когда проснулся: тогда сдѣлался мудрымъ Ероділмъ и, познавъ Двое: позналъ истиннаго, сверхъ человѣчія сѣни Человѣка, который есть Единъ во всѣхъ и всегда:

„Убуждшеся видѣша Славу Его,
„Обрѣтеся Іисусъ Единъ.
„Иже есть всяческая во всемъ.“

Простый Ероділ на Одномъ небеси, видитъ двойное время: стужу и теплоту, зиму и весну, Покой и досаду; а тайный Ероділ, спрѣчь: Израиль, сверхъ стихіи, и сверхъ самаго тонкаго воздуха, видитъ тончайшее второе Естество: и тамо сей Ероділ гнѣздится. «Что мнѣ есть на небеси? «И отъ тебѣ, что восхотѣхъ на землѣ? Сіе второе Естество, аще въ Стихіахъ? Или кромѣ стихій? Богъ вѣсть! Однакъ Израиль позналъ Оное.

ФАРРА.

О Даніилъ! Ей! понравились мнѣ твои Гайстеры. Выпусти еще хоть одного.

ДАНІИЛЪ.

Развѣ и тебѣ хочется быть Гайстеромъ?

ФАРРА.

Вельми хочется; но да не безполковымъ же.

ДАНІИЛЪ.

И мудрый часто претыкается. «Толико время съ вами есмь: и не позналь еси мене, Филиппе:»

„Не можеши нынѣ по мнѣ ити
„Отвержешися мене трищи.“

Дай Богъ! Чтобы ты былъ въ ликѣ сихъ Гайстеровъ: «Сей есть живопъ вѣчный, да знаютъ тебѣ, Единаго, Истиннаго Бога. И Его же послалъ Еси Іисуса Христа.

Вотъ предводитель и Царь ихъ! Послушай Его. «Духъ Господень на мнѣ, его же ради помазался, благовѣстити нищимъ; посла мя, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ . . Нарещи Лѣто Господне Пріятно, и День воздаянія. *Исаія* 51, 12. Вотъ и сей не послѣдній! Се Нынѣ Время Благопріятно! Се нынѣ День спасенія.

Вотъ, коль нужно Слово сіе: Γνῶθι Καιρόν, Nosce tempus: познай время!

«Ероділй позна время свое: Горлица и Ласточица...» О Ероділево жилище! Блаженно еси! Не то ли Оно? «По земль ходяще, обращеніе имамы на небесѣхъ. «Праведныхъ души, въ Руцѣ Божіей. . .

„Боже сердца моего! Душа моя въ Руку твоею.
„Подъ Сѣнь Его возжелахъ и Сѣдохъ. . .
Іоан. 8, 56.

Авраамъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ День мой: и видѣ, и возрадовася. Очи ма же отверзостеся очи, и позпаста Его: и Той не видимъ бысть има: да избавитъ же тебе Господь отъ тѣхъ Юродовъ! «Ероділ позна время свое: Горлица и Ласточица» Людіе же мои сіи непознаша судебъ Господнихъ. «Возлюбиша паче славу человѣческую, неже Славу Божію.»

«Ослѣпи Очи ихъ: да не видятъ, ни разумѣютъ, вопіетъ Исаіа, увидѣвъ славу Христа Господня. А они хвалятся: «Да ямы и піемъ! Утрѣ бо умремъ.» Умирайте! умирайте! яко нѣсть: ваше разумѣти Двое. Видите-о нощные враны, одинъ только дисшній вечеръ: одну только воду со Сиренами. Сіи-то мрач-

ная слава ослѣпила, Вамъ Очи: да невидите утреннія оныя Славы:

„Востани Слава моя! Востану рано.“

Для чего вы, о звѣри дубравные! Въ ложахъ своихъ легли: не дождавъ блаженнаго онаго второго Дня.

«Во утріи же видѣ Іоаннъ Іисуса, грядуща къ себѣ, и глагола: Се Агнецъ Божій, вземляй грѣси міра! Сей есть: о немъ же азъ рѣхъ: Іоан. 1, 23, 70. Вы есте тма міру: и волки не отъ числа оныхъ: «Веніаминъ волкъ хищникъ, рано ястъ еще . . . но въ вечеръ глотающіе все, безъ останка на Утро: «да Останки нечестивыхъ потребятся.

ѲАРРА.

Я вовся не разумѣю что значитъ Останокъ. . .

ДАНІИЛЪ.

О дряхлый и косный Клеопо! Останокъ есть то же, что барышъ, ростъ, приложеніе, прилагаемое прекраснымъ Іосифомъ, въ пустое вретище Веніаминово. И сего ли не разумѣешъ? Не приложатся жъ тебѣ лѣта живота.

ѲАРРА.

О! нынѣ разумѣю: и приложатся мнѣ, яко Езекіи.

ДАНІИЛЪ.

Останокъ есть Лѣто Господне пріятное, (Iubilaus Annus), день воздаянія, весна Вѣчности, таящіяся подъ нашимъ сокрушеніемъ, будьто злато въ сумахъ Веніаминовыхъ, и воздающія Израилева, вмѣсто мѣди злато, вмѣсто желѣза сребро, вмѣсто дровъ мѣдь, вмѣсто каменія желѣзо, вмѣсто пѣсочнаго фундамена Адамантъ, Сапфиръ и Анѳраксъ. . . Чолъ ли ты во пришчахъ :

«Исцѣленіе плотемъ и приложеніе костемъ?» Плоть бренная твоя, есть то здѣшній міръ, и днешній вечеръ, и пѣсочный грунтъ, и море Сирепское, и камни претыканія. По тамъ же, за твоею плотію, до твоей же плоти, совокупилась Гавань и Лоно Авраамле, земля посредѣ воды, словомъ Божіимъ держима ; если ты не нощный, но излетѣвшій изъ Ковчега вранъ; если ты Ластовица, или Голубица, узнавшая себе : сирѣчь видящая, Двое : миръ, и Міръ: тѣло, и Тѣло: человѣка и Человѣка: Двое въ одномъ и одно въ Двоихъ не раздѣльно и не слитно же. . . Будьто Яблонь, и тѣнь ея, Древо живое, и древо мертвое; лукавое и доброе; лжа и Истина; грѣхъ и разрѣшеніе, кратко сказать: все что осязаешь въ наружности твоей: аще вѣруеши: все тое имѣешь во сла-

вѣ и въ тайности Истое, твоею жъ внѣшностію свидѣтельствуемое: душевнымъ тѣломъ духовное. Въ сей-то центръ ударяетъ лучь, сердца наперсникова: «Всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Іисуса Христа, во плоти пришедша отъ Бога есть.» Вѣмы же, яко егда явится, подобны ему будемъ: ибо узримъ его, яко же есть. И всякъ имѣяй надежду сію на Него: очищаетъ себе, яко же онъ чистъ есть. Вотъ тебѣ Останокъ! Вотъ приложеніе костемъ твоимъ! Все тебѣ оставитъ; а сей Останокъ никогда.

„Вся преходятъ: любы николи же отпадаетъ. 1. Кор. 13. 8.

„Господа силъ, того освятите. . .

Нынѣ разумѣеши ли Надежду твою, и лжу Спренскую? Вотъ тебѣ, вмѣсто пристолѣтныя, вѣчная память и юность: будь здоровъ!

„Въ память вѣчную будетъ праведникъ.
„Отъ шума Спренскихъ водъ не убоится!
Сей есть живопъ вѣчный!

Нынѣ обновится яко Орля юность твоя. Но не тѣхъ Орловъ: что паки старѣютъ и умираютъ: но Оныхъ, кои въ познаніи Самаго себѣ, вельми высоко вознеслися: вышше всѣхъ стихій: и вышше самаго здѣшняго солнца (яко и оно есть суета же и ветошь) ко оному пресвѣтлѣйшему моему Солнушку.

„Тый же Тойжде Еси: и лѣта твоя не оскудѣютъ. Одѣяйся свѣтомъ (солнечнымъ) яко ризою: Глаголяй къ намъ сія:

«Подъяхъ васъ, яко на крилѣхъ Орлихъ, и приведохъ васъ къ себѣ. И видѣхомъ въ трупѣ нашемъ славу Его: во львѣ семъ, сотъ вѣчности Его: во тмѣ сей, свѣтъ не вечерній Его: въ водѣ сей нашей Твердь Гавани Его. Трупъ есть всякъ бренный человѣкъ: и Библіа, есть человѣкъ и трупъ. Найшовъ въ нашемъ Свѣтъ и Сотъ: находимъ послѣ того сіюжъ пищу и въ Библіи да исполнится сіе:

„Идѣ же трупъ: тамо соберутся Орлы.“

Высоку сей трупъ обѣщаетъ трапезу: высоко и мы возлетѣли! Гдѣ царствуетъ вѣчная сладость, и вѣчная Юность!

ВРАТА ГОСПОДНЯ

ВЪ НОВУЮ СТРАНУ ВЪ ПРЕДѢЛЫ ВѢЧНОСТИ, ТАМЪ ИСПЫТАЕМЪ:

Легко ли быть блаженнымъ?

ѲАРРА.

Тфу! . . . Оправдалась притча: на конѣ ѣздя, коня пищетъ. Я думалъ, что велми трудно, быть блаженнымъ. . . По землѣ, по морю, по горнихъ и преисподнихъ, шатался за щастіемъ. А оно у мене за пазухою. . . Дома. . . Древняя притча.

«Ita fugias, ut ne prater casam.»
Опть лиха убѣгай: да хаты не минай.

НЕЕМАНЪ.

О Ѳарра! не только дома; но въ сердцѣ твоемъ и въ душѣ твоей Царствіе Божіе, и Глаголъ Его. Сей есть Камень: а прочее все, тлѣнь, ложь, лужа. . .

„Вся преходятъ. . . .

Но кто тебѣ насѣялъ лукавое сѣмя сіе: будто трудно быть блаженнымъ? Не враги ли Спрены?

О глаголь попопный! И языкъ льстивый!

ѲАГГА.

Ей! ей! они. Отъ ихъ то гортани гласъ сей:

Χαλεπὰ ϑὰ Κάλα.
Τὸ Κάϰος χαλεπὸν ἐϛι.
Трудна доброта. . . .

НЕЕМАНЪ.

О да прильпнетъ языкъ ихъ, къ гортани ихъ!

„Нѣмы да будутъ устнѣ льстивыя!“

Изблюй онаго духа лжи вонъ; а положи въ сердцѣ сей многоцѣнный во основаніе Камень:

Χαλεπὰ ϑὰ ϰαϰά!
Трудно быть злобнымъ!

Что можетъ обезкуражить, и потопить сладко теплый Огнь Параклитовъ, если не оное змѣиное Спренское изверженіе? Отсюду-то въ душѣ мразъ и скрежетъ, косность и уныніе во обрѣтеніи Царствія Божія: отсюду ни тепълъ еси, ни хладенъ: имамъ тя изблевати... О гряди Господи Іисусе! Ей! гряду скоро: аминь. . . Нынѣ не обшуяся сказую: Се Господь мой пришелъ! Се Солнце возсіяло! и новая Весна! Да расточатся и ижденутся со изверженіемъ своимъ души нечестивыхъ, отъ предѣловъ Весны вѣчныя! Не входитъ туда неправда. Намъ же даны ключи;

«Χαλεπὰ τὰ καλά.

Не имами ли темъ тяжелѣе слова: беззаконіе? Что же ли есть легчае любви Божія?

„Крила ея, крила огня.

Напиши красками на ногтѣ Адамантовомъ слова сіи: «Сродное, нужное. Лапвце есть то же. Что же есть нужнѣе Царствія Божія? Въ запутанныхъ думахъ, и въ затмѣнныхъ рѣчахъ, гнѣздится лжа и притворъ; а въ трудныхъ дѣлахъ, водворяется обманъ и суета. По лапвость въ нужности, а нужность въ сродности; сродность же обитаетъ въ Царствіи Божіи. Что нужнѣе для душевнаго человѣка, какъ дыханіе? И се вездѣ туне воздухъ. Что потребнѣе для духовнаго какъ Богъ? И се вся исполнлетъ! Аще же что кому не удобное: напиши что ненадобное. О глубина премудрыя Благости! Сотворшія нужное нетрудным: а трудное ненужнымъ. Тако мой Господь сказа мнѣ: духъ сладкій; духъ мирный, духъ Пророческій: и не печатлѣю словесъ: да оправдится Премудрость Его отъ чадъ Его!

ИЗРАЕЛЬ.

О Неманъ! Неманъ! Дышешъ духомъ Параклитовымъ: съ высоты силою Его облечен-

ный. И кто имѣетъ духа утѣшителя, если не чистое сердце, отъ мрака грѣховнаго возвышное, аки въ солнцѣ солнушко, зѣница Его, во вкусъ и прозорливость сіяющее? Сей есть живый Силоамъ, и родная Софіа, видящая Двое, и гляголаша страшное.

НЕЕМАНЪ.

Тѣмъ же, о Израилю, идуще новымъ Святаго духа путемъ: Ищите и обрящете. Се вся полезная, суть возможна: и возможная полезна.

ӨАРРА.

Мнѣ бы хотѣлось онымъ Папою: и сочетать въ одной Ипостаси Первосвященство и Царство.

МИХАИЛЪ.

О славолюбный Озія! Куда тебѣ духъ воскрилятъ? Но притомъ приснопамятно будь сіе:

„Кто яко Богъ?

ӨАРРА.

Развѣ же Богъ не хощетъ: чтобъ мы были Богомъ.

МИХАИЛЪ.

О Ѳарра! Что радостнѣе Святому Духу: какъ тое, чтобъ намъ всѣмъ стать Богомъ?

ѲАРРА.

О Михаилъ! Се ты странное воспѣлъ!

МИХАИЛЪ.

Если оно Святому духу пріятное: тогда во истинну странное и преславное. Онъ единъ есть, любопытная Оселка: показующая чистое злато: нареченое Римски, Index. И въ сію-то мѣть ударяетъ сіе Павлово слово: «Δοκιμαζετε πάντα τὸ καλὸν κατέχετε. Вся испытайте: добрая держите 1. Сол. 5. 21. Аще же гнушается Оный Голубь: тогда оно бываетъ мірское, модное: и въ такомъ смыслѣ общее: въ какомъ разумѣетъ Петръ Святый, глаголя сіе:

„Господи николи же ядохъ скверно.“

Скверно: въ Римскомъ же лежитъ, commune, Еллински, xorvor: разумѣй coenum: сирѣчь блато, грязь, мерзское, мірское. . .

ѲАРРА.

Вить же славы искать Духъ Святый не запрещаетъ?

МИХАИЛЪ.

„Слава въ студѣ ихъ. . . .

Видишъ что студная, слава запрещается. За добрую же славу лучше желаетъ Павелъ

умрѣть, нежели ее испразднить. Оная слава есть тѣнь: а сія финиксъ. Оную хватаютъ псы на водѣ Сиренской: Сію же пріемлютъ чада Божія, во Авраамлей гавани. Суетна слава, тщетная прибыль, сласть ядовита: Се три суть адскія горячки, и ехидины дщери, нечестивому сердцу во опаленіе. Но сущая слава, истинная прибыль, сласть не притворна: се сіи суть Духа Святаго, Невѣсты: во объятіяхъ своихъ, чистую душу услаждающія.

ѲАРРА.

Угадалъ ли я? Что по правилу Израильскому пустая слава есть труднѣе, истинныя.

МИХАИЛЪ.

Тфу! какъ же не труднѣе псу, схватить тѣнь: нежели истинный кусъ. Вотъ предъ тобою яблонь! Схвати мнѣ, и подай тѣнь. Но самое тѣло ея вдругъ обнять можешъ.

ѲАРРА.

Не только, но и плодъ сорву! Се тебѣ съ нея прекрасное яблоко! Благовонное! Дарую тебѣ. Въ немъ обрящешъ столько яблочныхъ вертоградовъ, сколько во всей Вселеннѣй коперниканскихъ міровъ. Вотъ тебѣ отъ мене награда. «За твое доброе слово.»

МИХАИЛЪ.

Если бы ты мнѣ всю вселенну даралъ по плоти: я бы отказался и малыя сторонки моея матери Малороссіи, и одной ея горы не взялъ бы. Гдѣ мнѣ ее дѣвать? Тѣлишко мое, есть маленькая кучка, но и та мнѣ скучна. Что есть плоть, если не гора? Что гора, если не горесть? «Кто яко Богъ? Что сладчаѣ и легчаѣ и вмѣстиѣе, какъ Духъ? Сердце мое вкушаетъ Его безъ грусти, пьетъ безъ омерзенія, вмѣщаетъ безъ труда, носитъ безъ досады. Душа моя въ духа: а духъ въ сердце мое преобразился. Боже сердца моего! О часть моя всесладчайшая! Ты единъ мнѣ явилъ Двое, сѣнь и безвѣстную Тайну. Ты еси Тайна моя вся же плоть, есть сѣнь и закровъ твой. Всяка плоть есть риза твоя, сѣно и пепелъ: Ты же тѣло, зерно, ѳиміамъ, стакти и касіа, пречистый, нетлѣнный, вѣчный. Все тебѣ подобно: и ты всему; но ничто же есть тобою: и ты ничемъ же кромѣ тебѣ. Ничто же, яко же Ты.

„Кто яко Богъ?

О Ѳарра! что плачеши? Чего ищешъ въ паствѣ? Духа? или плоти? Духъ сего Христа Божія, вдругъ какъ молнію, пріялъ можешъ.

Но престолы, палаты, колесницы, сребро и злато . . . Все сіе есть плоть, гора, трудъ и горесть. Не прекасайся сему. Восходящее, высокое въ немъ, и божественное. — Оное да-будетъ твое. Сіе-то есть истинное единство, и тождество, и легость и чужность. . . .

Хощешъ ли быть Павломъ Ѳивейскимъ? Антоніемъ Египетскимъ? или Саввою освященнымъ?... Стяжи себѣ мужей опытныхъ сердце. . . Въ то время, вдругъ, какъ молнія, преобразишся во всѣхъ ихъ. Бѣгай молвы: объемли уединеніе: люби нищету: цѣлуй Цѣломудренность: дружись со терпѣливостію: водворися со Смиреніемъ: ревнуй по Господѣ Вседержителѣ. Вопіи тебѣ лучи, Божественнаго сердца ихъ! Сіе иго, велми благо, и легко есть. . . .

Χαλεπὰ τὰ καλά.

ФАРГА.

А Елиссей? Не проситъ ли епанчи опять Иліи?

МИХАИЛЪ.

Епанча она нѣсть мертвыхъ; но живущихъ во предѣлахъ Вѣчности. Въ ней все новое вмѣсто вѣтошп. Чолъ ли ты у Исаіи, одежду Веселія? Вотъ она:

„Подъ сѣнію руки моея покрыю тя.“

Не Елисей ли проситъ? «Да будетъ Духъ, иже въ тебѣ, сугубъ во мнѣ.» Какъ же далъ бы онъ просящему вмѣсто хлѣба камень? Сей есть духъ Вѣры: Духъ сугубъ: Духъ открывающій Двое: Духъ, раздѣляющій Іорданскія струи: Духъ, богоявляющій сверхъ Спренскихъ водъ плавающее и выникшее Желѣзо. Оно-то есть изъ-подъ-потопный холмъ. Обитель вѣрныя, голубицы. Гавань, лоно и кифа Авраамля. Спасеніе отъ потопа. «Да возрадуется душа моя во Господѣ. Облече бо мя въ ризу спасенія. . .»

Вотъ тебѣ одежда и надежда! Носи здоровъ! Она есть, Духъ сугубъ: видящій Двое. . . .

ѲАРРА.

Велми благодарю тебѣ за сію ризу. А безъ нея, чемъ бы я былъ въ буркѣ? Вотъ чемъ! Лицемѣръ: Лже Илія, Пророчій идолъ. Что же? Каковъ пресполненъ есть всякія животины. Хотѣлось бы мнѣ быть, хорошенькою въ немъ, коею-то птицею. Какъ думаешъ?

МИХАИЛЪ.

Ковчегъ, есть онъ церковь Израилская, люби ее, и молись. Аще добра просишь: при-

имеши. Проси во Имя Христово: все вдругъ получишъ: не забывай никогда сего.

Χαλεπά Ἰά κακά.

ИЗРАИЛЬ.

Слушай Ѳарра! не желаешъ ли быть кабаномъ?

ѲАРРА.

Пропадай онъ! Я и велблюдомъ быть не хочу. Еленемъ быть я бы хотѣлъ, а лучше птицею.

Чиста птица Голубица, таковъ духъ имѣетъ,
Буде мѣсто гдѣ нечисто, тамо не почіетъ.
Развѣ травы и дубравы: и сѣнь есть отъ зноя
Тамъ пріятно, и прохладно мѣсто ей покоя.

Такъ и Духъ Святый не почиваетъ: развѣ въ чистомъ сердцѣ: при водѣ тихой и прозрачнѣй: живой и тайнѣй. «Вода глубока совѣтъ въ сердцѣ Мужа. . .» О міре нашъ! Мужу и лоно! Христе Іисусе! Явися людемъ твоимъ въ водахъ Сиренскихъ обуреваемымъ. Но растолкуй мнѣ, о Израилю: кое-то есть сердце и духъ: преображающій естество наше во Вепровъ?

ИЗРАЕЛЬ.

Песъ, хватаетъ тѣнь: а сердце, земная. Мудрствующее: есть Вепръ. Не мыслитъ гор-

пял, развѣ точію о брашнѣ и чревѣ сердце хамское любомудрствуетъ. Если имѣешъ Израпльское око, огляпься на предѣлы Гергесенскія. Вотъ тебѣ великое стадо свинное! Провидишъ ли: что минул брегъ: если не Господь мой? Сами просятъ, да, прейдетъ прочь отъ предѣлъ ихъ. Блато и воду Спренскую возлюбили: паче Славы Божія. Грязь любитъ, есть-то быть вепромъ. Гоняться за нею: есть то быть псомъ. Вкушать ея: есть то быть зміемъ. Хвалить се: есть то воспѣвать лестныя Спренскія пѣсеньки. Любомудрствовать о ней: есть то мучиться легіономъ бѣсовъ. Не земля ли раждаетъ и звѣры и гады и скоты и мухи? Такъ-то и сердце земное, преображаетъ насъ въ разные нечистые звѣры, скоты и птицы. Гадами же Божіими творитъ чистое сердце: вышше всей тлѣни возлетѣвшее. Сердце златожаждное, любящее мудрствовать объ однихъ кошелькахъ, мѣшкахъ и чемоданахъ, есть сущій велблюдъ: любящій пить мутную воду: и за вьюками не могущій пролѣзти, сквозь тѣсную дверь, въ предѣлы Вѣчности. Сердце есть корень, и существо. Всякъ есть тѣмъ: чіе есть сердце въ немъ. Волчее сердце, есть родный волкъ: хотя лице и не волчіе. Если перешла въ сталь магнитная сила:

тогда сталь точнымъ магнитомъ стала. Но руда рудой перестала быть: какъ только съ нея спирть и силу вывесть. Сіе есть сердце и существо правы: . . . . . Но храмъ Божій, всегда есть вмѣстилищемъ Святынѣ: хотя видъ имѣетъ домовъ непотребныхъ. Женская плоть, не мѣшаетъ быть мужемъ, мужескому сердцу. Сердце востекающее съ Давидомъ на горняя: оставляющее велблюдомъ и Сиренамъ со чадами ихъ, мутныя и морскія воды; жаждущее, Давидовскія, уполившія Самарянкѣ жажду, оныя воды:

„Кто мя напоитъ водою. . .?
„Господи даждь ми сію воду. . .

Таково сердце, не Олень ли есть? Даромъ что роговъ не имѣетъ. Рогп и кожа оленья, есть плоть и тѣнь. Надѣнь кожу его съ рогами: безъ сердца его: и будешь чучела его. Смѣшна пуспошъ: не только

Χαλεπὰ τὰ καλά.

Сердце, трудолюбствующее съ мужемъ Руѳнымъ Воозомъ на гумнѣ библейскомъ, очищающее отъ половы вѣчное Зерно Святаго духа: на хлѣбъ сердце Израилское укрѣпляю-

щій: Скажи, не Волъ ли есть млатящій? Въ любезной моей Унгаріи волами молотятъ. И чтожъ восплщаетъ Лукѣ быть воломъ? Не думай, будьто до плотскихъ воловъ, сія пстина касается: «Волу молотящу да не заградь устъ.» Сердце воцарившееся надъ звѣрскими бѣшенствами, и надъ волею своею: растерзающее всякую власть и славу востающую на Бога: Дерзающее въ нищетѣ, въ гопешілхъ, въ болѣзняхъ, по смерти: не сей ли есть Скимень львовъ Іуда отъ тѣхъ? «Ярятся аки львове.» Бѣгаетъ не честивый никому же гонящу: Праведникъ же дерзаетъ аки левъ. Чтожъ мѣшаетъ Марку быть львомъ? Къ такимъ то богоссрдечнымъ скимнамъ, аки левъ, тако возреветъ Господь: «Востани! и измлати ихъ дщи Сіона. Яко роги твоя положу (осную) желѣзни и пазнокти твоя положу мѣдяны: и истончиши люди. . . Вотъ ревъ, Львинаго щенка отъ трпдневнаго сна воскрешающій! Какъ написано: «Возлегъ почи! Кто воздвигнетъ его?» Сердце выспръ сверкающее, какъ молпіл: посѣщающее и низвергающее, всякія перпатыя мечты и замысловатыя стихійныя думы: не соколъ ли есть? Послушай сокольяго виска. «Аще вознесешися яко же орелъ: и оттуду свергу тя» глаголетъ Господь. Сердце,

парящее на пространство высоты небесныя: любящее свѣтъ: и вперяющее зѣницу очей, во блескъ полуденныхъ лучей: въ самое солнца солнушко оное: «Въ солнцѣ положи селеніе свое.» Не благородный ли есть орелъ съ напер-сникомъ? Ей не отъ рода онъ подлецовъ сихъ; «Не вѣмъ орла, паряща по воздуху.» Глупца высокомудрствующа по стихіямъ. «Аще воз-несешися яко орелъ: и оттуду свергу тя...» А не горлица ли есть: Сердце любяще Госпо-да: по нему единому ревнующее: Святыя на-дежды гнѣздо въ немъ обрѣтшее? Послушай гласа ея:

„Ревнуя по ревновахъ по Господѣ Богѣ. . .
„Живъ Господь мой: жива и душа моя.“

А тотъ гласъ, не ея ли есть? «Истаяла мя ревность моя. . .» Видѣхъ не разумѣваю-щія, и стаяхъ.» На вотъ тебѣ ликъ, или хоръ горлицъ! «Се вся оставихомъ: и въ слѣдъ те-бѣ идохомъ.» Знай; что Библія, есть вдова гор-лица: ревнующая и воздыхающая во пустынѣ, о Единомъ ономъ мужѣ.» Богъ любы есть...» У сея-то вдовицы, не оскудѣваетъ чванецъ елея: сирѣчь милости, любви и сладости: если по-сѣтитъ ее кто, духа Пророческаго дары иму-щій. Кто благъ? Или кто милъ, кромѣ Бога?

Сей единъ есть не оскудѣвающій. «Вся преходятъ : любы же ни.» Взглянь мнѣ пожалуй на Магдалину. Библіи сердце, есть сердце горлицы сел. При Елейной Лампадѣ, не спитъ, тужитъ, и воздыхаетъ. О чемъ? Что безсмертнаго жениха умертвили; что въ библейной его лампадѣ ничего милаго, и свѣтлаго не найшли нощныи враны сіи, кромѣ трупа гнилаго сего: «Возрятъ нань, его же прободоша.» Что кромѣ ризъ Его, не нашли въ ризахъ его, ни смирны, ни стакты, ни касіи: спрѣчь, одѣющагося оными ризами. Плачетъ пустынолюбная горлица сія, о буйныхъ дѣвахъ со Іереміею, воспѣвая жалостную пѣсенку оную :» Очи мои изліястѣ воду : яко оскудѣша добрыя дѣвы.» Блажены мы, о Ѳарра? Яко гласъ горлицы слышенъ въ маленькой земелькѣ нашей. Ахъ! сколько тогда горлицъ было, когда говорилъ Павелъ : Обручихъ васъ Единому мужу чистую Дѣву, и протчая. Обулыя и бѣдныя горлицы со чванцемъ своимъ оныя !

„Идите ко продающимъ и протч.

Безъ милости милаго : а безъ твоего же преподобія, нигдѣ не обрящеши, онаго Преподобнаго мужа.

„Удиви Господь Преподобнаго своего.“

Напослѣдокъ, не голубь ли тебѣ есть, сердце видящее Двое? Сердце, узрѣвшее сверхъ непостоянности потопныхъ водъ, Исаіевскую тверды, брегъ и гавань оную:

„Царя со Славою узрите: и —
Очи ваши узрятъ Землю издалеча.“

Сіе чистое сердце, выше всея дряни возлетѣвшее, есть голубь чистый, — есть духъ Святый, духъ вѣдѣнія, духъ благочестія; духъ премудрости, духъ совѣта, духъ нетлѣнныя славы, духъ и камень Вѣры. Вотъ почему Христосъ, нерукосѣчною, и Адамантовою гаванью нарицаетъ Святаго Петра! по сердцу Его. . .

ѲАРРА.

О сердце. . .! Чтожъ ты сталъ? Спунай далѣе!

ИЗРАЕЛЬ.

Израиль далѣе сей гавани не ходитъ. Се ему домъ, гнѣздо, и кущи! Водруженныя, не на пѣскѣ; но на Кифѣ. Конецъ потопу. Радуга и Миръ, есть Кифа, на ней онъ возсѣлъ.

Inveni portum kepham: caro, munde valete!
Sat me jctastis. Nunc mihi Sancta quies.

Прощай стихійный потопъ! Вѣщаетъ Ноева голубица. Я почію на Холмахъ Святыхъ: Обрѣтши оливныя кущи.

ФАГРА.

О сердце голубиное! И сердечный голубь! Сей есть истинный Іона: Адомъ извержень во третій день, на брегъ горъ Кавказкихъ. Сей голубь, есть истинный Americus, Columbus: Обрѣтшій новую землю. Не хочется и мнѣ отсюду итить. О Нееманъ! Нееманъ! Дай! ну! Станемъ и мы со Израилемъ въ сей гаванѣ. Оснуемъ себѣ кущи на сей Кифѣ. А! а! Любезный мой Аввакумъ! Се нынѣ разумѣю пѣсенку твою! «На стражѣ моей стану, и взыйду на камень.» Сюда-то взирало, твое Пророчее око? Сію-то Кифу издали наблюдала бодрая стража твоя? Сюда-то пѣсня твоя и насъ манила? Блаженно око твое! Прозорливѣе трубъ звѣздозорныхъ. Блаженны поющія намъ уста твоя! Блаженъ и Сіонъ твой: или Заро-теремъ, пирамида, и столпъ твой: изъ коего высоты простиралися лучи очей голубиныхъ. Не отемнѣютъ очи твои. Неистлѣютъ уста твоя. И не падетъ столпъ твой во вѣки вѣковъ. Прощайте на вѣки! Дурномудрыя дѣвы, сладкогласныя Сирены: Съ вашими тлѣнными очима: съ вашею старѣющеюся младостью: съ младенческимъ вашимъ долголѣтіемъ и съ вашею, рыданія исполненною, гаванью. Пойте ваши пѣсни людемъ вашего ро-

да. Не прикасается Израиль Гергесеямъ. Свои ему поютъ Пророки. Самъ Господь ему, яко левъ возреветъ: и яко вихрь духа, возсвищетъ въ крилѣхъ своихъ: и ужаснутся чада водъ... Радуйся Кефо моя, Петре мой, Гавань моя! Гавань вѣры, Любви, и Надежды! Вѣмъ тя: яко не плоть и кровь: но свышше рожденъ Еси. Ты мнѣ отверзаеши врата, во блаженное Царство свѣтлыя страны. Пятдесятое лѣто плаваю по морю сему: и се достигохъ ко пристанищу тихому: въ землю Святую: юже мнѣ открылъ Господь Богъ мой. Радуйся Градо-маши! Цѣлую тя Престоле любезныя страны, не имущія на путехъ своихъ бѣдности и сокрушенія, печали и воздыханія. Се тебѣ приношу благій даръ, отъ твоихъ же вертоградовъ! Кошницу гроздія и смоквей и орѣховъ, со хлѣбомъ Пасхи: во свидѣтельство, яко путемъ Праотцевъ моихъ, внійдохъ въ обѣтованную землю.

КОНЕЦЪ.

2007113183